

DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.4.10>

UDC 314.88
LBC 60.7

Submitted: 02.08.2019
Accepted: 09.09.2019

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF COASTAL REGIONS OF THE DON AND KUBAN – VECTORS AND FACTORS OF THEIR NUMEROUS DYNAMICS (LAST THIRD OF THE 19th – EARLY 21st CENTURIES)¹

Sergey Ja. Suschiy

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The purpose of this article is to research the main factors and progress rates of demographic dynamics of the coastline territories of the Don and Kuban regions. The article analyses the dynamics of the settlement network and the population of the Lower Don sea coastline, Azov and Black Sea regions of the Kuban in the Imperial, Soviet and Post-Soviet periods. The research indicates that the outrunning population growth in the coastline territories of the Don and Kuban remained a steady trend over the past 130–150 years. However, within the Kuban region this growth was common only for the Black Sea districts and did not extend to the Eastern Azov region. On the Lower Don, not the coastline settlement network itself, but the local capital, 25–30 km away from the sea, with the satellite city of Bataysk and rural areas, was marked by the growth. The central role in the accelerated population growth of the Kuban Black Sea since the Early 20th century has been played by the development of the resort complex. Only at the northern coast (Novorossiysk district) together with the recreation sphere, this growth was assisted by the development of the industry and transport infrastructure. In the Imperial period, trade and transportation of goods were the main factors of the accelerated population growth in the Lower Don. In the Soviet period, the main drivers of the demographic growth of the Rostov agglomeration included industrialization, and in the 1960–1970s, the leading role was played by sociocultural functions of the regional capital. Since the Early Post-Soviet period, the central factor in the demographic dynamics of the Lower Don has become the process of metropolisation of the regional space, associated with an increasing concentration of the human potential within the southwestern urbanized zone of Rostov region.

Key words: coastline territories, demographic dynamics, Lower Don, Eastern Black Sea and Azov Sea coastlines, settlement network, recreation and resort complex, industrialization and urbanization, city system.

Citation. Suschiy S.Ja., 2019. Demographic Potential of Coastal Regions of the Don and Kuban – Vectors and Factors of Their Numerous Dynamics (Last Third of the 19th – Early 21st Centuries). *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 7, no. 4, pp. 100-112. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.4.10>

УДК 314.88
ББК 60.7

Дата поступления статьи: 02.08.2019
Дата принятия статьи: 09.09.2019

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИМОРСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ДОНА И КУБАНИ – ВЕКТОРЫ И ФАКТОРЫ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ДИНАМИКИ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XXI в.)¹

Сергей Яковлевич Суций

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Целью данной статьи является исследование основных факторов и темпов демографической динамики приморских территорий Донского и Кубанского регионов. В статье анализируется динамика поселенческой сети и численности населения морского побережья нижнего Дона, приазовских и причерноморских районов Кубани в имперский, советский и постсоветский период. Исследование показало, что опережающий рост населе-

© Суций С.Я., 2019

ния приморских территорий Дона и Кубани оставался устойчивым трендом на протяжении последних 130–150 лет. Однако в пределах Кубани этот рост был характерен только для причерноморских районов и не распространялся на восточное Приазовье. А на нижнем Дону он отличал не саму береговую поселенческую сеть, а отодвинутую от моря на 25–30 км региональную столицу с городом-спутником Батайском и сельскими окрестностями. Центральную роль в ускоренном росте населения кубанского Причерноморья с начала XX в. играет развитие курортного комплекса. Только на северном побережье (район Новороссийска) наряду с рекреацией этому росту способствовало развитие промышленности и транспортной инфраструктуры. В имперский период торговля и транспортировка грузов являлись основными факторами ускоренного роста населения и на нижнем Дону. В советский период в число основных драйверов демографического роста Ростовской агломерации входит индустриализация, а в 1960–1970-е гг. ведущую роль начинают играть социокультурные функции региональной столицы. С начала постсоветского периода центральным фактором демографической динамики нижнего Дона становится процесс метрополизации регионального пространства, связанный с нарастающей концентрацией человеческого потенциала в пределах юго-западной урбанизированной зоны Ростовской области.

Ключевые слова: приморские территории, демографическая динамика, нижний Дон, восточное Приазовье и Причерноморье, сеть поселений, рекреационно-курортный комплекс, индустриализация и урбанизация, городская система.

Цитирование. Суций С. Я., 2019. Демографический потенциал приморских территорий Дона и Кубани – векторы и факторы количественной динамики (последняя треть XIX – начало XXI в.) // Региональная экономика. Юг России. Т. 7, № 4. С. 100–112. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.4.10>

Постановка проблемы

Одним из комплексных показателей социально-экономического развития любого территориального социума является количественная динамика его населения. Направление демографической динамики (рост или убыль), как и ее темпы, как правило, напрямую коррелируют с процессами, протекающими в основных сферах жизнедеятельности сообществ разного таксономического уровня (от небольших поселений до макрорегионов и целых стран). В свою очередь, сопоставление демографической динамики различных территориальных сообществ одного или двух сопредельных регионов дает информацию для сравнительного анализа успешности их развития.

В этом отношении представляет интерес изучение динамики численности населения приморских территорий Дона и Кубани, двух южно-российских регионов, общая протяженность морского побережья которых превышает 1 тыс. километров. Для такого исследования имеет значение и то обстоятельство, что данная береговая линия относится к двум южным морям – Азовскому и Черному, развитие поселенческой сети в пределах каждого из них обладало заметной спецификой.

Имперский период

Северо-восточное и восточное побережье Азовского моря, а также восточное Причерноморье, в настоящее время составляющие при-

морские районы Ростовской области и Краснодарского края, входили в состав Российского государства постепенно, на протяжении достаточно длительного периода (середина XVIII – первая треть XIX в.). Формируемая система расселения береговой зоны наследовала многие особенности поселенческой сети предыдущих периодов, поскольку удобные для стратегического контроля и обороны, торговли и хозяйственной деятельности участки побережья притягивали к себе людей с глубокой древности. На протяжении столетий, если не тысячелетий, в пределах одного места могло смениться множество поселений, относящихся к различным народам и культурам.

Существенную роль в развитии системы расселения приморских территорий играли и природные факторы. Именно они стали центральным ограничителем плотного хозяйственного освоения и заселения большей части восточного и северо-восточного Приазовья, занятого обширными плавнями кубанской дельты и разветвленной дельтой Дона, а также ряда участков береговой зоны восточного Причерноморья в тех местах, где горные массивы вплотную подходили к берегу (значительное число таких участков располагалось между г. Геленджиком и г. Туапсе).

Имела значение и общая продолжительность периода активного хозяйственного развития приморского субрегиона в составе России. Если для северо-восточного и восточного Приазовья такой период к последней трети XIX в. насчитывал около 70–100 лет, то береговая зона восточного Причерноморья вплоть до заверше-

ния в середине 1860-х гг. затяжной Кавказской войны не имела необходимых условий для устойчивого социально-экономического развития.

Следует учесть и то, что победный в военном отношении финал Кавказской войны стал одной из основных причин почти катастрофического по своим масштабам демографического опустынивания восточного Причерноморья, которое в середине – второй половине 1860-х гг. почти в полном составе покинули населявшие данные территории многочисленные черкесские сообщества [Волкова, 1974: 213–219]. В 1867 г. в пределах береговой зоны от г. Анапы до Сухума проживало не более 10–20 тыс. человек. Иными словами, заселение данных территорий необходимо было начинать едва ли не с нулевой отметки.

Но если демографическое освоение восточного Причерноморья в последней трети XIX в. только начинается, то поселенческая сеть приазовских территорий Дона и Кубанской области к этому времени уже в целом сложилась. Более того, именно в приморских районах, а также на землях, пространственно приближенных к морской акватории, располагаются в это время крупнейшие центры данных регионов.

На Дону – это г. Таганрог и г. Ростов (табл. 1), которые до 1887 г. административно относились к Екатеринославской губернии, но экономически были связаны, прежде всего, с Донским регионом – областью Войска Донского [Скальковский, 1850]. Впрочем, и г. Новочеркасск – региональная столица донского казачества, располагаясь в 70 км от азовского побережья, также тяготела к морской, а не континентальной, куда более обширной части казачьих территорий. Таким образом, практически вся городская сеть Донского региона на данном этапе была сконцентрирована в пределах нижнего Подонья.

В Кубанской области 1850–1860-е гг. были связаны с заметным ускорением социально-экономического развития, одним из драйверов которого становится приморский Ейск, стремительно увеличивающий в эти десятилетия свой торгово-экономический потенциал, а рост последнего напрямую коррелировал с демографической динамикой города. Во второй половине 1860-х гг. Ейск уже более чем в три раза по населению превосходил «столичный» Екатеринодар (табл. 2). Показательно, что в этот период с административным центром Кубани был сопоставим по размеру и Темрюк, второй город восточного Приазовья.

Таблица 1

Динамика населения городских центров нижнего Подонья, тыс. чел.

Города	1811 г.	1840 г.	1867 г.	1897 г.	1914 г.
Азов	–	2,3	14	27,5	26,5
Таганрог	7,4	22,5	25	51	68,4
Ростов	4	9,0	39,1	120	172,3
Нахичевань н/Д	9,1	10,8	16,6	28,4	70
Новочеркасск	6,2	17,6	27,9	52	69,1

Примечание. Составлено по: [Герман, 1819; Города России, 1914; Статистические таблицы ... , 1842; Статистический временник ... , 1871].

Таблица 2

Динамика населения ведущих городских центров Кубанской области и Черноморской губернии, тыс. чел.

Города	1818 г.	1840 г.	1867 г.	1897 г.	1914 г.
Кубанская область					
<i>Анапа</i> *	–	–	–	7	11,5 ***
<i>Ейск</i>	–	2,45 **	28,1	35,4	54,8
<i>Темрюк</i>	–	–	7	14,7	17,6 ***
Екатеринодар	4,3	7,7	8,8	66	102,2
Армавир	–	1,4	3,8	18	44
Майкоп	–	–	–	34,2	52,3
Черноморская губерния					
<i>Новороссийск</i>	–	–	0,43	16,2	69
<i>Сочи</i>	–	–	–	1,35	9,4
<i>Туапсе</i>	–	–	–	1,39	10,4 ***

Примечания. Составлено по: [Герман, 1819; Города России, 1914; Первая всеобщая перепись ... , 1897; Статистические таблицы ... , 1842; Статистический временник ... , 1871]; * – курсивом выделены приморские города; ** – 1849 г.; *** – 1910 г.

Однако завершение Кавказской войны существенно образом меняет систему сложившихся торговых связей. Уже в 1870-е гг. эпицентр морской торговли всего южнороссийского макрорегиона начинает постепенно смещаться из бассейна Азовского моря в Причерноморье, обладавшее более выгодным географическим расположением. Этот сдвиг нашел свое отражение и в демографической динамике, а население Новороссии, крупнейшего центра Черноморского округа Кубанской области, за 1873–1897 гг. выросло на порядок (с 1,62 тыс. до 16,9 тыс. чел.).

Ускоренные темпы демографического роста демонстрируют и другие центры восточного Причерноморья, общее число жителей которого в последней трети XIX в. увеличилось в несколько раз. Впрочем, и на рубеже XX в. оно все еще оставалось весьма незначительным (57,5 тыс. чел. – в 1897 г.), что отчетливо фиксируется не только при сравнении демографического потенциала всей Черноморской губернии² и отдельных округов Кубанской области, но и по плотности населения данных территориально-административных единиц (табл. 3).

Особенно значительной оставалась недонаселенность юго-восточного Причерноморья (Сочинский и Туапсинский уезды), в пределах которого в конце XIX в. на кв. км приходилось всего 2–4 жителя – на порядок меньше, чем в большинстве округов Кубанской области.

Геодемографические тренды развития приморских районов восточного Приазовья и Причерноморья, сложившиеся в последние десятилетия XIX в., еще отчетливее проступают в на-

чале XX века. В пределах нижнего Подонья продолжается опережающее социально-экономическое развитие Ростова, к этому времени уже почти поглотившего сопредельную Нахичевань-на-Дону, и, тем самым, еще более упрочившего позицию крупнейшего городского центра всего южного макрорегиона. Динамично растет и приморский Таганрог, по своему демографическому потенциалу по-прежнему не уступающий Новочеркаску.

И в целом поселенческая сеть северо-восточного Приазовья, включившая несколько городских центров и сельские территории от Таганрога до Азова (Таганрогский и Ростовский округа), заключала к 1917 г. почти треть всего населения области Войска Донского³. Расселенческая плотность населения в пределах данной зоны достигала максимальной величины, составляя 55–65 чел./кв. км, сокращаясь с удалением от побережья (табл. 4).

Продолжался быстрый рост населения и восточного Причерноморья, составлявшего территорию Черноморской губернии, население которой в последние два десятилетия имперского периода выросло в 3,7 раза (с 57,5 тыс. до 215 тыс. человек). Демографический потенциал сопредельной Кубанской области, также отличавшейся очень динамичным ростом, за это время увеличился только на 61 % (что, впрочем, также превосходило общеимперский показатель).

Стремительный по своим темпам демографический рост Причерноморья во многом объяснялся сохранявшейся их недонаселенностью,

Таблица 3

Численность и плотность населения отделов Кубанской области и уездов Черноморской губернии, 1867–1914 гг.

Территории	Численность населения, тыс. чел.			Плотность, чел./кв. км	
	1867 г.	1897 г.	1914 г.	1897 г.	1914 г.
Кубанская область					
<i>Ейский</i> *	88	277,3	444	22,8	36,4
<i>Таманский</i>	63,7	343	521	25,6	38,9
Екатеринодарский	68,9	245,1	431,7	28,8	50,6
Баталпашинский	–	215,4	297	15,8	21,8
Кавказский	–	249,2	440	20,4	36,0
Лабинский	–	305,7	509,7	58,7	98,0
Майкопский	–	283,1	466	19,8	32,5
Черноморская губерния					
<i>Новороссийский</i>	–	34,9	98,6	11,9	33,7
<i>Туапсинский</i>	–	9,0	45	3,6	18,4
<i>Сочинский</i>	–	13,5	71,5	2,2	11,6

Примечания. Составлено по: [Первая всеобщая перепись ... , 1897; Статистический временник ... , 1871; Статистический ежегодник ... , 1915]; * – курсивом выделены приморские территории.

Численность и плотность населения округов области Войска Донского, 1867–1914 гг.

Округа	Численность населения, тыс. чел.			Плотность, чел./кв. км	
	1867 г.	1897 г.	1914 г.	1867 г.	1914 г.
<i>Ростовский *</i>	197,0	369,7	570,8	58,9	65,0
<i>Таганрогский</i>	144,53	413	698	14,3	55,8
Черкасский	76,35	240,2	432,8	7,4	41,8
Донецкий	168,9	455,8	692,5	10,8	44,4
Первый донской	94,44	271,8	415,2	8,5	37,3
Второй донской	161,48	239,1	368,1	6,5	14,9
Усть-медведицкий	198,9	246,8	376	9,1	5,8
Хоперский	141,7	251,5	381,4	10,0	27,2
Сальский	23,9	76,3	121,4	1,5	7,5

Примечания. Составлено по: [Первая всеобщая перепись ... , 1897; Статистический временник ... , 1871; Статистический ежегодник ... , 1915]; * – курсивом выделены округа, выходящие к морскому побережью.

позволявшей даже ограниченному по количественным масштабам притоку переселенцев существенно увеличивать демографический потенциал местных территориальных сообществ. В середине 1910-х гг. только Новороссийский уезд по плотности системы расселения (33,7 чел./кв. км) был сопоставим с административными отделами Кубанской области, большинство которых в это время имело уже 32–38 жителей на один квадратный километр.

В Туапсинском уезде данный показатель составлял только 18,4 чел., в Сочинском был еще ниже (11,6 чел.). Но именно данные два южных уезда Черноморской губернии в конце имперского периода демонстрировали наиболее быстрые темпы роста населения. Число жителей в них выросло соответственно в 5,3 и 5 раз. Одна из причин – быстрое развитие курортно-рекреационной сферы, которая с начала XX в. стала превращаться в одну из сфер хозяйственной специализации кавказского Причерноморья, вслед за южным берегом Крыма. Расширение курортной инфраструктуры становится одним из локомотивов ускоренной урбанизации приморских территорий [Первые курорты Кубани ... , 2012]. За два неполных десятилетия население Сочи и Туапсе вырастает более чем в 7 раз.

На севере Причерноморья, наряду с рекреацией (Анапа, Геленджик), основным драйвером роста городов становится промышленность – крупный индустриальный узел формируется в районе Новороссийска. А сам центр продолжает ускоренно наращивать свой торгово-транспортный потенциал, окончательно оформляясь в качестве крупнейшего порта южного макрорегиона и все более оттягивая на себя товарооборот и торговые сети приазовских городов Кубанской области.

Появление успешного конкурента самым непосредственным образом сказывается на демографической динамике последних. По темпам роста Ейск и Темрюк (в 1897–1914 гг. их население выросло соответственно на 55 и 20 %) существенно уступали черноморским городам. Однако первый из них, все более отставая от Новороссийска, по своим размерам все еще оставался вторым центром Кубанской области. При этом сельские районы восточного Приазовья в конце имперского периода демонстрировали демографический рост, характерный для большинства других территорий Кубанской области (население Ейского округа в 1897–1914 гг. увеличилось на 60 %, Таманского – на 52 %).

Советский период

Первая мировая война незначительно отразилась на демографической динамике приморских территорий Дона и Кубани. Куда более ощутимым оказалось воздействие Гражданской войны, одним из эпицентров которой стала территория Юга России. Население ряда приморских центров Дона и Кубани к началу 1920-х гг. сократилось на 10–20 %, а Новороссийска – на треть (с 69 тыс. до 47,7 тыс. чел. за 1915–1923 гг.). Значительные потери понесло и сельское население данных территорий.

Только быстрый восстановительный рост 1923–1926 гг. позволил большинству причерноморских центров Кубани (Анапе, Сочи, Туапсе) к середине 1920-х гг. вернуть, а потом и несколько превзойти свои довоенные размеры. Городам Приазовья (Ейску, Темрюку, Азову) этого достичь не удалось. Население Ейска за 1915–1926 гг. сократилось более, чем на 30 %, Азова – на 25 %. И, тем не менее, именно приморское положение

городов и сельских территорий нередко становилось значимым фактором, работавшим на ускоренное восстановление их хозяйственной жизни, а следом и демографического потенциала.

В целом население Черноморского округа, почти совпадавшего по своим пространственным контурам с Черноморской губернией имперского периода, в 1926 г. составляло 291,5 тыс. человек, то есть было на 35 % больше, чем в 1915 году. Выросло население и нижнего Дона, прежде всего за счет Ростова, восстановительный период которого также оказался весьма коротким. Уже к 1922/23 г. крупнейший южнороссийский центр вернул свои дореволюционные размеры.

Развитие приморской поселенческой сети Дона и Кубани существенно ускоряется во второй половине 1920-х – 1930-е годы. Данное ускорение совпадало с общей социально-экономической активизацией страны и южного макрорегиона, интенсивной индустриализацией и ростом городской системы СССР. Тем не менее даже на общем фоне ускоренной урбанизации рост ряда южнороссийских приморских центров был впечатляющим.

В пределах нижнего Подонья вокруг Ростова формируется крупнейшая в южном макрорегионе агломерация, развитие которой связано с индустриализацией и мощным ростом транспортно-коммуникационных функций самой донской столицы, а также города-спутника Батайска. Более чем в два раза увеличивается и население Таганрога, крупнейшего порта Ростовской области, существенно нарастившего в 1920–1930-е гг. свой промышленный потенциал. Тем самым, смещенная к Азовскому морю урбанизированная зона, протянутая от Таганрога до Новочеркасска, еще более увеличила свой удельный вес в численности населения всей области (к началу 1940-х гг. он уже достигал 38 %).

В Краснодарском крае максимальной демографической динамикой отличалось развитие юго-восточного Причерноморья, в пределах которого на месте ряда рекреационных центров начинает формироваться курортная зона всесоюзного значения [Ракачев, 2017]. За 1926–1939 гг. население Сочи вырастает почти в 5 раз (с 10,4 до 50 тыс. человек), Туапсе – в 2,5 раза (с 12 до 30 тыс. жителей). Но опережающими темпами растут не только курортные центры. На 40 % выросло население Новороссийска, крупного промышленного и ведущего портового центра Кубани, в 1930-е гг. вернувшего себе вторую позицию в демографическом рейтинге городских центров Краснодарского края⁴.

Росло и сельское население восточного Причерноморья, продолжавшего привлекать значительное число трудовых мигрантов и переселенцев. Общий демографический потенциал причерноморских районов Кубани за 1926–1939 гг. вырос с 291,5 до 343 тыс. человек, притом численность населения всего края (без Адыгеи) вследствие масштабного голода начала 1930-х гг. практически не изменилась. В результате доля Причерноморья в структуре краевого населения увеличилась с 9,9 до 11,7 %.

Демографический рост городов восточного Приазовья был не столь динамичным. Население г. Ейска, крупнейшего из них, в 1926–1939 гг. выросло только на 26,7 %. А сложные природные условия береговой зоны не способствовали расширению сельской поселенческой сети. При этом Ейский район оказался в группе наиболее пострадавших от голода в 1932–1933 гг. территорий края⁵. Но значительными были демографические потери и других районов Приазовья, в середине 1930-х гг. краевое Приазовье впервые за весь российский период развития региона уступает восточному Причерноморью по общей численности населения.

В годы Отечественной войны значительная часть восточного побережья Азовского и Черного морей оказалась в зоне немецкой оккупации. Наиболее длительным оккупационный период был в пределах северо-восточного побережья Таганрогского залива. Сам Таганрог и его сельские окрестности (Неклиновский район) оставались под немецким контролем почти два года, что стало причиной повышенных демографических потерь.

Даже к началу 1960-х гг. в двух приморских районах Дона (Неклиновском и Азовском) проживало на 11 тыс. жителей меньше, чем перед войной (соответственно 140,3 и 151,4 тыс. чел.). Более коротким оказался восстановительный демографический период приморских городских центров Ростовской области, вступивших в новый период активной индустриализации. Таганрог вернул свой довоенный уровень (189 тыс. чел.) в середине 1950-х гг., а к 1960 г. его население превысило 200 тыс. человек. Еще стремительнее было послевоенное развитие Азова, население которого в 1939–1959 гг. выросло почти в 1,5 раза (с 39,9 до 59,3 тыс. чел.).

Но и в последующие десятилетия советского периода приморские территории Ростовской области демонстрировали несколько более высокие темпы демографического роста, чем дру-

гие ее субрегионы. При этом наиболее динамичным был рост самой столичной агломерации. За 1959–1989 гг. Ростов и город-спутник Батайск увеличили свою долю в населении области с 20,2 до 25,8 % (табл. 5). Основным фактором ускоренного демографического роста урбанизированного приморского юго-запада области некоторое время по-прежнему оставалось развитие промышленности в сочетании с транспортной логистикой.

Однако уже в 1970-е гг. индустрия постепенно начинает терять значение в качестве основного драйвера урбанизации области. И демографический рост городских центров во все большей степени определяется их развитием в качестве комплексных средоточий административно-управленческих, социокультурных, научно-технологических, образовательных функций. Но и в данном отношении Ростов и вся его агломерация оказывались вне конкуренции в пределах региона.

К концу советского периода (1989 г.) юго-западная урбанизированная зона, с учетом прилегающих сельских территорий, заключала уже 45 % населения области (в 1959 г. – 37,6 %). Тем самым, демографический «центр тяжести» Ростовской области с начала 1960-х гг. (после 20-летней заминки, связанной с войной) вновь продол-

жил свое смещение в сторону морского побережья, концентрируясь в непосредственной пространственной близости (30–60 км) от Таганрогского залива.

Более сложным и неравномерным оказалось в 1950–1980-е гг. демографическое развитие приморских территорий Краснодарского края. Если поселенческая сеть восточного Приазовья росла в соответствии с общими темпами количественной динамики краевого населения, то в развитии причерноморских территорий в последние десятилетия советского периода обнаруживается заметное ускорение.

В 1960-е гг. население всей Кубани выросло на 15,7 %, а демографический потенциал краевого Причерноморья увеличился более чем на 70 %. Этот опережающий рост продолжился и в последующие десятилетия. В 1970–1980-е гг. население причерноморских районов устойчиво прибавляло 1,5–2,5 % в год (значительно больше, чем остальные территориальные сообщества региона за исключением Краснодара).

В абсолютных цифрах население кубанского Причерноморья за 1959–1989 гг. увеличилось почти в 2,5 раза (с 380 тыс. до 939 тыс. человек). Центральным фактором этого демографического роста являлось дальнейшее развитие всесоюзной курортно-рекреационной зоны. Юж-

Таблица 5

Динамика населения субрегионов Ростовской области

Территории	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2017 г.
Население, тыс. чел.								
Вся область	2 892,6	3 311,7	3 831,3	4 080,6	4 308,7	4 404,0	4 278,0	4 231,5
г. Ростов-на-Дону, Батайск	573,5	668,7	874,1	1 024,2	1 111,2	1 175,7	1 201,1	1 257,0
Азов, Таганрог, Новочеркасск	320,8	364,5	485,9	547,5	574,4	549	507,4	499,9
Приморские сельские районы (Неклиновский, Азовский)	151,4	140,3	172,6	166,8	161,2	175,3	178,5	183,1
Аксайский и Мясниковский районы	60,7	72,9	88,1	97,9	107,7	127,7	141,2	160,8
Юго-западная урбанизированная зона в целом	1 106,4	1 246,4	1 620,7	1 836,4	1 954,5	2 027,7	2 028,2	2 100,8
Остальная территория области	1 786,2	2 065,3	2 210,6	2 244,2	2 354,2	2 376,3	2 249,8	2 130,7
Доля в населении региона, %								
г. Ростов-на-Дону, Батайск	19,8	20,2	22,8	25,1	25,8	26,7	28,1	29,7
Азов, Таганрог, Новочеркасск	11,1	11	12,7	13,4	13,3	12,5	11,9	11,8
Приморские сельские районы (Неклиновский, Азовский)	5,2	4,2	4,5	4,1	3,7	4,0	4,2	4,3
Аксайский и Мясниковский районы	2,1	2,2	2,3	2,4	2,5	2,9	3,3	3,8
Юго-западная урбанизированная зона в целом	38,2	37,6	42,3	45	45,3	46,1	47,5	49,6
Остальная территория области	61,2	62,4	57,7	55	54,7	53,9	52,5	50,4

Примечание. Составлено по: [Всесоюзные переписи населения ... , 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989; Всероссийские переписи населения ... , 2002, 2010; База данных показателей муниципальных образований, 2019 (Ростовская область)].

ный климат и теплое море, качественная по меркам СССР социальная инфраструктура привлекали в данный субрегион Кубани не только миллионы отдыхающих, но и значительное число новых переселенцев из других районов края, регионов РСФСР и союзных республик. Таким образом, значение имело не само наличие береговой зоны, но морского побережья, комфортного для пляжного отдыха. Только для Новороссийска и отчасти Туапсе в качестве значимых драйверов социально-экономического и демографического роста в последние десятилетия советского периода сохранялись промышленность и транспортно-перевалочная функция.

При этом данные сегменты специализации приморских территорий по своей способности притягивать и аккумулировать миграционные потоки определенно уступали рекреации. Наглядной иллюстрацией является сравнение темпов роста двух крупнейших черноморских центров Краснодарского края – северного, преимущественного промышленного и портового Новороссийска, и южного, курортного Большого Сочи. Если перед войной первый по численности населения почти в два раза превосходил Сочи, то к началу 1960-х гг. оба центра уже были сопоставимы по размерам⁶, а в конце 1970-х гг. ведущий курорт СССР был уже в 1,5 раза больше, увеличив свой демографический перевес к концу советского периода до 67 %.

Учитывая, что территория Сочинского горсовета была вытянута вдоль береговой линии почти на 150 км, речь шла о масштабном демографическом росте протяженной прибрежной поселенческой сети. Однако и северные районы

черноморской зоны, по темпам роста населения уступая южным, вместе с тем заметно превосходили демографическую динамику остального Краснодарского края.

В результате Причерноморье, еще в начале XX в. существенно отстававшее по плотности населения от большинства внутренних районов Кубани, к концу 1980-х гг. превращается в один из наиболее густонаселенных ее субрегионов (на многих участках побережья плотность населения в сельской местности поднималась уже до 100–200 чел./кв. км). В пределах черноморской зоны было уже сосредоточено более 20 % населения Краснодарского края (что почти в два раза превосходило показатель 1959 г.) (табл. 6). А с учетом восточного Приазовья, на приморских территориях Кубани к началу 1990-х гг. проживало уже 28,4 % всего населения региона. И доля «приморского» населения продолжала неуклонно расти.

Постсоветский период

Еще отчетливее перечисленные геодемографические тенденции в развитии приморских территорий Дона и Кубани проявились в постсоветский период. В условиях, когда центральным двигателем экономики становится не промышленность или социокультурный потенциал, а комплексная сфера услуг, максимальные стимулы к социодемографическому развитию получают региональные столицы, концентрирующие основные государственные и частные инвестиции, значительную долю строительной деятельности, ритейлерские сети, обладающие широким рын-

Таблица 6

Динамика населения субрегионов Краснодарского края

Территории	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2018 г.
<i>Население, тыс. чел.</i>								
Приазовские районы	284,7	320,2	341,0	420,4	380,8	484,7	486,3	489,0
Причерноморские районы	342,9	380	651,4	806,0	939,1	1 019,8	1 084,0	1 303,4
Краснодар	203,8	313	464,1	557	634,7	646,2	784,8	1 008,0
Остальная территория края	2 099,5	2 464,7	2 567,6	2 628,3	2 701,4	3 003,9	2 900,5	2 847,9
Всего *	2 930,9	3 477,8	4 024,1	4 411,7	4 656,0	5 154,6	5 255,6	5 648,3
<i>Доля, %</i>								
Приазовские районы	9,7	9,2	8,5	9,5	8,2	9,4	9,3	8,7
Причерноморские районы	11,7	10,9	16,2	18,3	20,2	19,8	20,6	23,1
Все приморские районы	21,4	20,1	24,7	27,8	28,4	29,2	29,9	31,8
Краснодар	7,0	9,0	11,5	12,6	13,6	12,5	14,9	17,8
Остальная территория края	71,6	70,9	63,8	59,6	58,0	58,3	55,2	50,4

Примечания. Составлено по: [Всесоюзные переписи населения ... , 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989; Всероссийские переписи населения ... , 2002, 2010; База данных показателей муниципальных образований, 2019 (Краснодарский край)]; * – без Адыгеи.

ком труда и платежеспособным населением. Серьезные импульсы к социально-экономическому развитию получают и крупные рекреационные центры, привлекающие значительное число отдыхающих, а соответственно и устойчивые финансовые ресурсы, запускающие в рост местную экономику и социальную сферу.

Наглядной иллюстрацией является постсоветская демографическая динамика Краснодарского края, одного из немногих российских регионов, в котором рост населения не прекращался со второй половины 1940-х годов. Но если в 1990-е гг. масштабный миграционный приток был характерен практически для всей Кубани, то с начала XXI в. он четко локализовался, разделяя территорию края на две части (рис. 1) – зону опережающего развития, включавшую Краснодар, восточное Причерноморье и районы, расположенные между ними, и зону экстенсивной динамики (или стагнации), заключавшую все остальные территории, в том числе большую часть краевого Приазовья, рекреационный потенциал которого многократно уступал черноморскому побережью края.

Заметная часть приазовских территорий Кубани в последние 15–20 лет теряла население,

другая находилась в демографической стагнации. Среди территорий, демонстрировавших устойчивый рост, можно выделить Темрюкский район, получивший дополнительные стимулы к социально-демографическому развитию после 2014 г. (включение в состав России Крымского полуострова и начало масштабных работ по строительству Крымского моста и связанной с ним комплексной инфраструктуры). Но в целом демографический потенциал всего кубанского Приазовья на протяжении двух последних десятилетий находится в состоянии динамического равновесия (рост на 1,0 % за 2002–2019 гг.). А в пределах краевого Причерноморья в первые два десятилетия XXI в. фиксировались два эпицентра роста – северный и южный, с разрывом в районе туапсинского побережья, которое не смогло занять серьезных позиций в региональном рекреационном комплексе.

В результате доля Туапсинского административного района в населении Причерноморья сократилась с 12,3 % в 2002 г. до 11,7 % в 2010 г. и 9,9 % – в 2018 году.

В целом же за 2010–2018 гг. доля причерноморских районов в населении всей Кубани выросла с 20,6 до 23,1 %. И если темпы их опе-

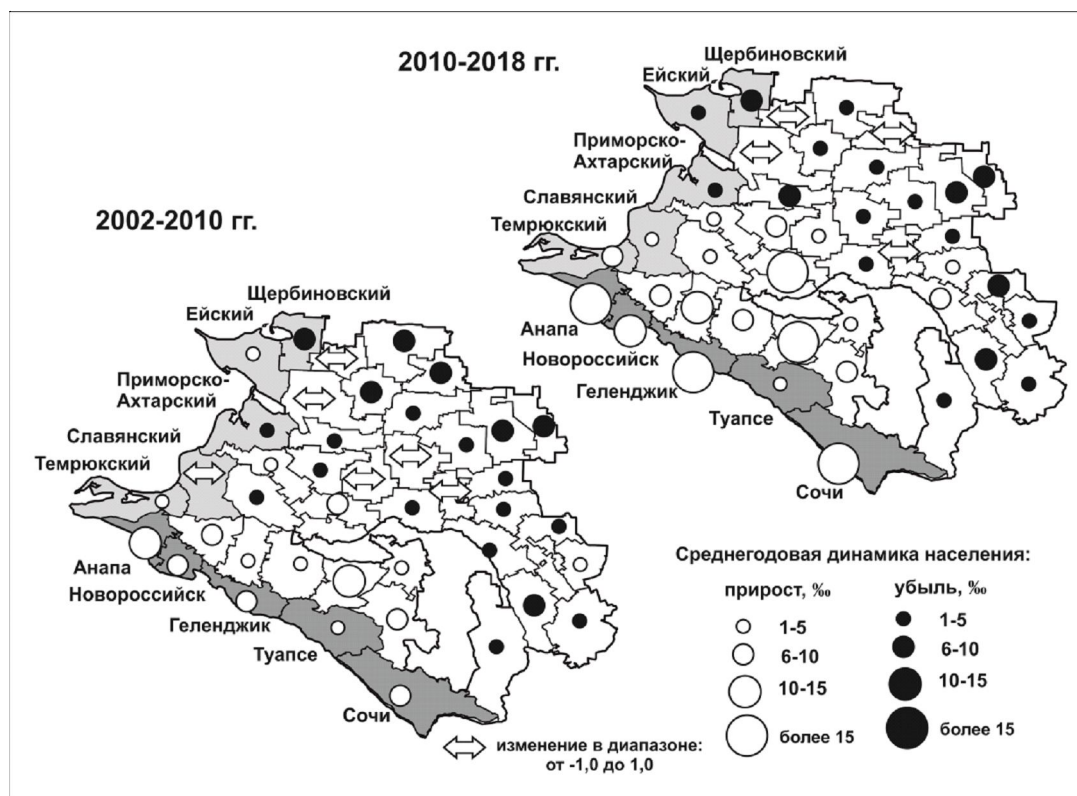

Рис. 1. Динамика населения административных районов Краснодарского края, 2002–2018 гг.

Примечание. Составлено по: [Всероссийские переписи населения ... , 2002, 2010; База данных показателей муниципальных образований, 2019 (Краснодарский край)].

режающего социодемографического развития сохранятся (что является весьма вероятным сценарием), то уже к середине 2020-х гг. более четверти краевого населения может быть сосредоточено в восточном Причерноморье. Но устойчивость данного тренда указывает, что он может сохраниться и в более отдаленной перспективе.

В Ростовской области (рис. 2) столичная агломерация и прилегающие сельские территории, включая два приморских района с начала 2000-х гг., являются единственными административными образованиями региона, демонстрирующими устойчивый демографический рост. И этот рост, учитывая естественную убыль населения, обеспечивается исключительно миграционным притоком. Причем в самих приморских районах области береговая поселенческая сеть, как свидетельствует сальдо миграции, не имеет однозначного преимущества перед поселениями, отодвинутыми от моря (рис. 3). Центральную роль играло не наличие/отсутствие морского берега, а расстояние и хорошая транспортная дос-

тупность от Ростова и Таганрога. То есть ускоренный рост населения приморских территорий являлся следствием развития садово-дачной системы расселения ведущих городов, а также одним из составных элементов процесса метрополизации регионального пространства – нарастающей концентрации человеческого потенциала в ростовской агломерации.

Таким образом, непосредственно рекреационная функция в демографической динамике приморской сети Ростовской области была выражена слабо. Более того, население крупнейших приморских центров – Азова и Таганрога с начала XXI в. устойчиво сокращалось. И центральную роль в поступательной концентрации населения области в ее юго-западной урбанизированной зоне играл рост самой региональной столицы и города-спутника Батайска. В 2019 г. в этой зоне, занимавшей менее 8 % площади области, была сосредоточена уже половина ее населения. А устойчивость данного тренда указывает на большую вероятность сохранения ее не только в ближайшие годы, но и в более отдаленной перспек-

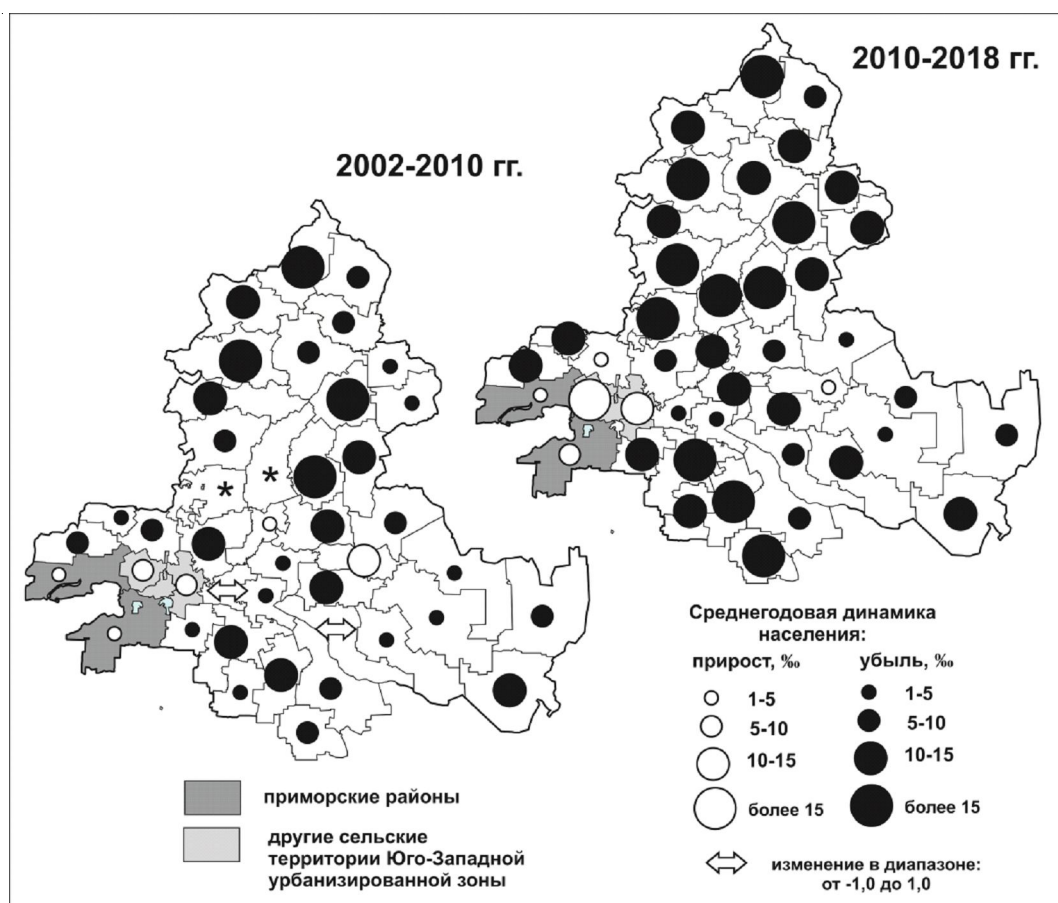

Рис. 2. Динамика населения административных районов Ростовской области, 2002–2018 гг.

Примечание. Составлено по: [Всероссийские переписи населения ... , 2002, 2010; База данных показателей муниципальных образований, 2019 (Краснодарский край)].

Рис. 3. Суммарное сальдо миграции в сельских поселениях приморских районов Ростовской области, 2011–2017 гг., чел.

Примечание. Составлено по: [База данных показателей муниципальных образований, 2019 (Ростовская область)].

тиве. К 2030 г. на юго-запад может уже приходиться порядка 53–55 % демографического потенциала всего региона.

Выводы

Опережающий рост населения приморских территорий Дона и Кубани являлся устойчивым трендом, фиксируемым на протяжении последних 130–150 лет. При этом в пределах Краснодарского края (Кубанской области) данный рост был характерен для причерноморских районов и не распространялся на восточное Приазовье, а в Ростовской области (области Войска Донского) отличал не самую береговую поселенческую сеть, а отодвинутый от Таганрогского залива на 25–30 км Ростов-на-Дону с городом-спутником Батайском и сельскими окрестностями.

Центральную роль в опережающем росте демографического потенциала кубанского Причерноморья с начала XX в. играло развитие рекреационного комплекса, дополняемое на северном участке черноморского побережья (район Новороссийска) промышленностью и транспортно-транспортной специализацией. В имперский период торговля и транспортно-перевалочная деятельность являлись основными причинами ускоренного роста численности населения и в приморской зоне Донского региона (области Войска Донского). В советский период в число основных драйверов демографического роста Ро-

стовской агломерации входит индустриализация, которую с 1960–1970-х гг. в этом качестве все активнее дополняет (а затем и начинает замещать) комплекс социокультурных функций региональной столицы. А с начала постсоветского периода центральным фактором демографической динамики урбанизированной зоны нижнего Дона становится процесс метрополизации регионального пространства, связанной с нарастающей концентрацией населения (и человеческого потенциала в целом) в пределах региональной агломерации.

За 1959–2019 гг. доля приморских территорий в структуре всего регионального населения выросла в Ростовской области с 37,6 до 50 %, в Краснодарском крае – с 20,1 до 31,8 %. Речь идет об устойчивом демографическом тренде, со своей стороны стимулируемым комплексом социально-экономических процессов, протекающих в пространстве обоих регионов. Данное обстоятельство дает основание полагать, что процесс нарастающей концентрации населения в пределах их приморских территорий сохранится не только в ближайшие годы, но и, по крайней мере, в среднесрочной перспективе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований: «Опасные природные явления и социальные процессы в Причерномо-

рье, Приазовье и Прикаспии: проблемы взаимозависимости и взаимной обусловленности» (№ 18-05-80043).

The article was carried out in the framework of the project of the Russian Foundation for Basic Research: “Hazardous Natural Phenomena and Social Processes in the Black Sea, Azov and Caspian Regions: Problems of Interdependence and Interrelation” (no. 18-05-80043).

² Она была создана в мае 1896 г. через преобразование в самостоятельную губернию Черноморского округа Кубанской области.

³ В середине 1860-х гг. данный показатель составлял 28,3 %, во второй половине 1890-х гг. – 30,5 %. При этом территория данных районов составляла менее 12 % площади области Войска Донского.

⁴ На рубеже 1920-х гг. он уступил это место Армавиру, одному из немногих центров Кубанской области, существенно увеличивших свое население в период социальных потрясений.

⁵ Только за январь – апрель 1933 г. в четырех колхозах Ейского района умерло от голода около тысячи человек. В Славянском, более южном районе восточного Приазовья, на пике местного «голодомора» количество ежедневных смертей превышало 150 человек [Ивницкий, 2009: 211].

⁶ Заметим, что в 1959 г. Новороссийск все еще не сумел вернуться к своему довоенному размеру.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

База данных показателей муниципальных образований, 2019 // Сайт главной Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi> (дата обращения: 14.08.2019).

Волкова Н. Г., 1974. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М. : Наука. 276 с.

Всероссийские переписи населения 2002–2010 гг. Численность населения России, субъектов Российской Федерации, городов и районов. 2002, 2010 // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02-10_reg1.php (дата обращения: 07.08.2019).

Всесоюзные переписи населения 1926–1989 гг. Численность наличного населения СССР по районам и городам, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_26-89.php (дата обращения: 08.08.2019).

Герман К., 1819. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб. : Императорская Академия наук. 326 с.

Города в России, 1914. СПб. : Центр. стат. ком. МВД. 1157 с.
Ивницкий Н. А., 2009. Голод 1932–1933 гг. в СССР. М. : Собрание. 290 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г., 1897 // Демоскоп Weekly. URL:

http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg (дата обращения: 07.08.2019).

Первые курорты Кубани на берегах Черного моря, 2002. URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/2995.html> (дата обращения: 11.08.2019).

Ракачев В. Н., 2017. Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар : Изд-во Краснодар. гос. ун-та. 350 с.

Скальковский А. А., 1850. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1. География, этнография, народонаселение Новороссийского края. Одесса : Тип. Нитче. 364 с.

Статистический временник Российской империи. Выпуск первый, 1871. СПб. : Издание центрального статкомитета МВД. 276 с.

Статистический ежегодник России 1914 г., 1915. Пг. : Тип. Штаба Петроградского военного округа. 569 с.

Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского, 1842. СПб. : Тип. Карла Крайя. 74 с.

REFERENCES

Baza dannykh pokazateley munitsipalnykh obrazovaniy, 2019 [Database of Indicators of Municipalities]. *Sayt glavnoy Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki* [Website of the Main Federal State Statistics Service]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi> (accessed 14 August 2019).

Volkova N.G., 1974. *Etnicheskiy sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [Ethnic Composition of the Population of the North Caucasus in the 18th – Early 20th Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 276 p.

Vserossiyskie perepisi naseleniya 2002–2010 gg. Chislennost naseleniya Rossii, subyektov Rossiyskoy Federatsii, gorodov i rayonov. 2002, 2010 [All-Russian Censuses of 2002–2010. The Population of Russia, Constituent Entities of the Russian Federation, Cities and Districts]. *Demoscop Weekly*. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02-10_reg1.php (accessed 7 August 2019).

Vsesoyuznye perepisi naseleniya 1926–1989 gg. Chislennost nalichnogo naseleniya SSSR po rayonam i gorodam, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 [All-Union Censuses of 1926–1989. Current Population of the USSR by Districts and Cities, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989]. *Demoscop Weekly*. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_26-89.php (accessed 8 August 2019).

German K., 1819. *Statisticheskie issledovaniya otnositelno Rossiyskoy imperii* [Statistical Studies on the Russian Empire]. Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. 326 p.

- Goroda v Rossii*, 1914 [Cities in Russia]. Saint Petersburg, Tsentralnyy statisticheskiy komitet MVD. 1157 p.
- Ivnitskiy N.A., 2009. *Golod 1932–1933 gg. v SSSR* [Famine 1932–1933 in the USSR]. Moscow, Sobranie Publ. 290 p.
- Pervaya vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy Imperii 1897 g., 1897 [The First General Census of the Russian Empire of 1897]. *Demoscop Weekly*. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg (accessed 7 August 2019).
- Pervye kurorty Kubani na beregakh Chernogo morya, 2002 [The First Resorts of the Kuban on the Shores of the Black Sea]. URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/2995.html> (accessed 11 August 2019).
- Rakachev V.N., 2017. *Naselenie Kubani i Stavropolya v 1930–1950-e gg.: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [Population of the Kuban and Stavropol Krai in the 1930s and 1950s: Historical-Demographic Study]. Krasnodar, Izd-vo Krasnodarskogo gosudarstvennogo universiteta. 350 p.
- Skalkovskiy A.A., 1850. *Opyt statisticheskogo opisaniya Novorossiyskogo kraya. Ch. 1. Geografiya, etnografiya, narodonaselenie Novorossiyskogo kraya* [Experience of Statistical Description of Novorossiysk Krai. Part 1. Geography, Ethnography, Population of Novorossiysk Krai]. Odessa, Nitche Publ. 364 p.
- Statisticheskiy vremennik Rossiyskoy imperii. Vypusk pervyy*, 1871 [Statistical Chronicle of the Russian Empire. First Release]. Saint Petersburg, Izdanie tsentralnogo statkomiteta MVD. 276 p.
- Statisticheskiy ezhegodnik Rossii 1914 g.*, 1915 [Statistical Yearbook of Russia 1914]. Petrograd, Tipografiya Shtaba Petrogradskogo voennogo okruga. 569 p.
- Statisticheskie tablitsy o sostoyanii gorodov Rossiyskoy imperii, Velikogo knyazhestva Finlyandskogo i Tsarstva Polskogo*, 1842 [Statistical Tables on the State of the Cities of the Russian Empire, the Grand Duchy of Finland and the Kingdom of Poland]. Saint Petersburg, Tipografiya Karla Krayya. 74 p.

Information about the Author

Sergey Ja. Suschiy, Doctor of Sciences (Philosophy), Chief Researcher, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St., 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, SS7707@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988>

Информация об авторе

Сергей Яковлевич Суций, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, SS7707@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988>